

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава IX. Оставление Никоном патриаршей кафедры

Обстоятельства, при которых произошло оставление Никоном патриаршей кафедры. Сам Никон за разное время указывал и на разные причины, почему он оставил патриаршество. Истинные причины оставления Никоном патриаршества. Как смотреть на оставлено Никоном патриаршей кафедры: было ли оно искренним, или только притворным.

6-го июля 1658 года государь Алексей Михайлович давал торжественный обед прибывшему в Москву грузинскому царевичу Теймуразу. Ранее, на подобные обеды царя, обыкновенно приглашался и патриарх Никон; но на этот раз его не пригласили. Когда грузинский царевич церемониально шел на царский обед, окольниковый Богдан Матвеевич Хитрово, по поручению государя, очищал пред ним путь среди толпы, собравшейся поглазеть на шествие. В это время в толпа случился патриарший стряпчий, князь Димитрий Мещерский, которого за чем-то посылал патриарх. Хитрово, разгонявший толпившийся народ палкою, задел по головекнязя Мещерского. Последний, обращаясь к Хитрово, сказал, как это передавал потом сам Никон: «напрасно-де бьешь меня, Богдан Матвеевич, — мы не приидохом zde просто, но с делом». Окольниковый спросил Мещерского: «кто ты еси?» — Мещерский ответил: «патриарш человек и с делом послан». — На это Хитрово заявил «не дорожися-де (патриархом) и ударил его по лбу и уязви его горко зело». Мещерский отправился к Никону, план пред ним и жаловался на побои Хитрово.

Случай с князем Мещерским Никон принял за кровную обиду себе лично. Его самолюбие уже сильно страдало от того, что государь не пригласил его, как обычно, на торжественный обед, а тут еще публичное оскорбление его стряпчему, с обидным публичным заявлением: «не дорожися патриархом». Вспыльчивый, невыдержанный Никон сейчас же написал царю письмо, в котором требовал немедленного удовлетворения за обиду его стряпчему. Царь во время обида собственноручно написал Никону, что он — царь расследует эта дело и лично увидится с патриархом. Это царское письмо немедленно было отослано к Никону с стольником Матюшиным. Но Никон не успокоился и заявил Матюшину, что желает удовлетворения именно сейчас. о чем посланный и доложил государю, который еще продолжал сидеть за обедом с царевичем. Тогда терпеливый Алексей Михайлович, чтобы успокоить гневливого Никона, еще из-за обеда послал к нему другое письмо с тем же Матюшиным. Но Никон, прочитав это второе письмо царя, не только не успокоился, но капризно и с угрозой заявил посланному: «волен-де Бог и государь, коли-де мне оборони- не дал, а я-де стану управливаться с ним

церквию».

8-го июля в Москве с особою торжественностью совершался праздник Казанской Божией Матери, причем на всех службах этого праздника всегда бывал царь со всем своим синклитом, а самые службы совершал патриарх. Последний, по обычаю, посылал приглашать царя к службам. Но царь на этот раз ни на одной службе не присутствовала Никон увидел в этом прямое пре небрежете к себе, публичное оскорбление царем его патриаршего достоинства.

10-го шля в Успенском соборе был праздник в честь Ризы Господней, присланной царю Михаилу Федоровичу персидским шахом. И на этом празднике всегда бывал царь с своим синклитом, но теперь он не только отказался присутствовать на вечерне и за всенощной, а прислал после заутрени, к Никону князя Юрия Ромодановского, который заявил Никону: «царское величество гневен на тебя и сего ради к заутрени не прииде и ко святой литургии ожидать не повеле». К этому Ромодановский от имени царя прибавил; «ты-де царское величество пренебрегл еси и пишешься великим государем, а у нас един есть великий государь — царь». На это Никон ответил: «называюся аз великим государем не собою: сице восхоти и повели называтися и писатися его царское величество. И на сие свидетельство имеем мы: грамоты писаны царского величества рукою». На это Ромодановский возразил: «царское величество почте тебя, яко отца и пастыря, но ты не уразумел, и ныне царское величество повеле мне сказаати тебе: отныне впредь не пишешься и не называешься великим государем, а почитать тебя впредь не будет». Если бы Никон был человек сколько-нибудь сдержанный и уравновешенный, если бы он сколько-нибудь правильно понимал свои отношения к государю и свое действительное положение в государстве, то он, конечно, скрыл бы свое личное неудовольствие и обиду, постарался бы по времени видеться с царем, объясниться с ним и уладить возникшие между ними недоразумения, как это хотел и предлагал ему сделать государь. Но Никон был слишком невыдержан, горд и самолюбив, слишком избалован постоянным необычным вниманием к нему царя, чтобы хотя временно показать пред ним свое архипастырское смирение и уступчивость. Никон вовсе и не думал смиренно идти на какие-либо компромиссы с царем, а решил действовать, как подсказывали ему его чрезмерное честолюбие, его обиженная гордость: он решил публично и торжественно отказаться от патриаршества, конечно в тех видах, что царь снова всенародно и уничиженно будет молить его остаться на патриаршем пре столе подобно тому, как царь ранее всенародно, плача и кланяясь до земли, молил его принять патриаршую кафедру 10-го июля, в праздник Ризы Господней, Никон ранее велел привести в Успенский собор, где он служил, простую монашескую рясу, клобук и священническую палку. В конце литургии, по заамвонной молитве, он прочитал положенное поучение и, обратившись к народу стал говорить о своем патриаршем недостойнстве, и в закличете заявил, что более он патриархом не будет, и чтобы пасомые впредь патриархом его больше уже не называли. После этого Никон сам снял с себя патриаршее облачение и хотел было надеть простую монашескую рясу, ранее припасенную, но власти не допустили его до этого, и но надел на себя черную архиерейскую мантию, черный клобук, взял в руки клюку, и

направился к выходу из собора. Но народ не пустил его, а послал к царю доложить о случившемся в собор крутицкого митрополита Питирима. Государь, выслушав доклад Питирима, послал в собор к Никону своего знатнейшего и уважаемого боярина — князя Алексея Никитича Трубецкого. Пришедши в собор Трубецкой говорил Никону: «для чего он патриаршество оставляет, не посовтовав свеликим государем, и от чьево говенья, и кто его гонит? и что бы он патриаршества не оставлял и был по прежнему». И патриарх говорил: оставил-де я патриаршество собою, а ни от чьево и ни от какого гонения, государева-де гнева на меня никакого не бывало; а о том-де я и преж сего великому государю бил челом и извещал, что мне болши трех мне на патриаршестве не быть. И дал мне письмо это письменное показание Трубецкого, а велел поднести государю. Да со мною ж приказывал, велел бить челом, что бы государь пожаловал, велел дать ему келью. И просил я у него себе благословения, и он меня не благословил, а говорил: какое-де тебе отменя благословение? Я-де недостоин патриархом быть; а будет же тебе надобно, и я-де тебе стану исповедать грехи свои. И я ему говорил: мне до того какое дело, что твою исповедь мне слушать, то дело не мое. И про то про все великому государю я известил; и великий государь послал меня к патриарху в другоряд, и то письмо велел ему, патриарху, отдать, и велел ему говорить, чтоб он патриаршества не оставлял и был по прежнему; а келей на патриаршем двор много, в которой он похочет, в той живи; и письмо ему я отдал. И патриарх Никон сказал: уже-де я слова своего не переменю, да и давно-де у меня о том обещанье, что патриархом мне не быть. И пошел из соборной церкви вон».

После этих переговоров с царем чрез князя Трубецкого, Никону не оставалось ничего более делать, как выйти из собора, что он и сделал, направившись уже не в патриаршие хоромы, а на подворье своего Воскресенского монастыря, откуда он чрез сутки и переехал на жительство в самый Воскресенский монастырь, отстоящий от Москвы в пятидесяти с небольшим верстах.

Из приведенных нами сведений об обстоятельствах оставления Никоном патриаршего престола совершенно не видно тех побуждений, которые заставили Никона оставить патриаршество. Никон заявил Трубецкому, что он оставляет патриаршество Собою, что ему ни от кого никакого гонения и никаких обид не было, что он и ране не думал быть патриархом более трех лить, почему, не смотря на приглашение государя остаться патриархом по прежнему, он твердо настаивает на своем решении от казаться от патриаршей кафедры. 10-го июля Никон оставил патриаршество, а 12 июля царь посылал к нему в Воскресенский монастырь того же князя Трубецкого, которому Никон говорил: «а что поехал он с .Москвы вскоре, не известя великого государя, и в том пред великим государем виноват; а убоился тово, что его постигла болезнь, и ему в патриархах не умереть; а впредь-де он в патриархах быть не хочет; а только-де похочу быть патриархом, проклят буду и анафема».

Впоследствии Никон о причинах оставления им патриаршества говорил не раз и говорил не то, что передавал князь Трубецкой, а нечто другое и притом неодинаковое за различное время. Так в письме к царю 1661 г. в декабре Никон заявляет, что так как

государь не дал ему удовлетворения на его жалобу об избении патриаршего стряпчего князя Мещерского окольным Богданом Хитрово, и так как он, Никон, вместо удовлетворения испытал только «тщеты, укоризны и уничижение не праведное», то он и оставил патриарший престол. На собор 1666 года царь просил допросить Никона: «какой гнев и обида, и, чтоб с престола сошел, от него, великого государя, к нему, Никону, присылка была ли? И бывший Никон патриарх сказал: «немилость-де великого государя к нему-то, что на окольного Богдана Матвеевича не дал обороны и к церкви ходить не почал; а присылки-де, чтоб он с престола сошел и патриаршество оставил, от великого государя к нему не бывало, а сошел-де он собою».

Итак, здесь Никон причиной оставления им патриаршей кафедры выставляет то единственное чисто случайное обстоятельство, что царь не дал ему управы на Богдана Матвеевича Хитрово, публично ударившего патриаршего стряпчего князя Мещерского. Но, очевидно, эта причина была слишком ничтожна сама по себе и ради нее, конечно, не стоило оставлять патриаршую кафедру. Это хорошо понял Никон и потому в других случаях, чтобы не показаться мелочным и вздорным человеком, постарался указать другие более серьезные причины оставления им патриаршего престола. Так, в письме к Паисию Лигариду, в июне 1662 года, Никон заявляет: он потому оставил патриаршую кафедру, что царь стал гневаться на него, удаляться его, перестал ходить к церковным службам туда, где служил он, Никон, что «прислал к нам в келию единого от своих со многими неправедными словами поносными, и мы-то слыша его прещение и гнев без правды, помыслили дати место гневу, понеже стало быти не учего, — суд и всякая церковная управления царская держава восприят и нам быти стало не у чего. И по совершении святой литургии, елико достойно яже о себе, во святой церкви пред Богом и всеми людьми о всем засвидетельствовахом, и до царского величества посылал ключаря, да весть о нашем отхождении, яко ничто же Божией церкви лукаво сотворихом, и се гнева ради твоего неправедного, повинуюсь евангельскому словеси: аще гонят вас из града, бежите во ин град»... Значит, Никон, по этому его заявлению, оставил патриарший престол не потому, что царь не дал ему удовлетворения за оскорбление его стряпчего, и даже не потому только, что Царь на него гневается без правды, напрасно, но, главным образом, потому, что царь отнял у Никона и захватил в свои руки весь церковный суд и все церковное управление, так что патриарху не у чего стало оставаться и он поэтому, оставил свой престол.

В своей грамоте к константинопольскому патриарху Дионисию Никон заявляет, что когда царь не дал ему удовлетворения по делу князя Мещерского, в чем Никон увидел публичное поругание его патриаршего сана, когда царь, вопреки обычаю, перестал ходить к тем церковным службам, которые совершал Никон, когда прислал к нему сказать, чтоб он впредь не смел называться великим государем и царь почитать его более не будет; тогда, говорит Никон, исповедав гнев царя пред всем народом, «яко гневается царь без правды, сего ради и в церковное собрание нейдет», решил удалиться в пустынное место. На вопрос же посланных от царя: по какой причине он оставляет патриарший престол? отвечал: «даю место гневу царского величества, зане, кроме правды, его царского

величества синклит, бояре и весь народ, церковный чин небрегут и безчиния многая творят, а царское величество управы не дает, и в чем мы печалимся, и он гневается на нас». Здесь Никон, кроме ранее отмеченной причины — несправедного царского гнева на него, указывает новую причину оставления им патриаршей кафедры: что будто бы царский синклит, бояре и весь народ «небрегут церковный чин и творят многия беззакония», и когда он, как архипастырь, указывал царю на это при скорбном обстоятельстве, «царское величество управы не дает», и даже более: стал гневаться за это на Никона, которому, в виду, указанных обстоятельств, ничего не оставалось делать, как оставить кафедру. Следовательно, причины оставления Никоном патриаршей кафедры были глубже и серьезнее, чем случайное оскорбление патриаршего слуги окольничим Хитрово.

Еще более обстоятельный и более откровенный ответ об истинных, интимных причинах оставления патриаршей кафедры Никон дает в своих возражениях на вопросы Стрешнева и ответы на них Паисия Лигарида. В своем возражении на 5-й вопрос Никон говорит, что царь, на поставлении его, Никона, в патриархи, торжественно пред всем народом, синклитом и освященным собором обещался неизменно хранить заповеди Божии, все церковные законы и правила, «и елико он, великий государь царь, поясняет Никон, поелику возможно пребывает в своем обещании, повинуюся святей церкви, — и мы терпели. Егда же он, великий государь царь, изменился от своего обещания, и на нас гнев положил неправильно, якоже весть, и мы, помня свое обещание о хранении заповедей Божиих», засвидетельствовав публично «о напрасном цареве гнев», оставили патриарший престол и водворились в пустыне. Тут же далее Никон заявляет, что еще во время литургии он тогда из собора, с своим диаконом Иовом, послал письмо к царю такого содержания: «се вижу на мя гнев твой умножен без правды, и того ради соборов святых во святых церквах лишавшись; аз же пришелец есмь на земли; и се ныне, поминая заповедь Божии, дая место гневу,—отхожу от места и града сего, и ты имаши ответ пред Господом во всем дати».

В приведенных словах Никон, как на единственного виновника своего невольного оставления патриаршего престола, указывает на царя: Никон потому именно оставил престол, что царь, обещавшийся, при поставлении Никона в патриархи, хранить все заповеди Божии, все церковные законы и правила, изменил в этом отношении своему торжественному и публичному обещанию, и, к тому же, стал несправедно гневаться на Никона, почему и вся вина оставления последним патриаршей кафедры исключительно падает на царя.

В ответе на 17 вопрос Никон уверяет, что будто бы он, на вопрос посланных от царя — Рамодановского и Матюшина: зачем он уходил от патриаршества, отвечал так: «от не милосердия ево — царева иду с Москвы вон, и пусть ему, государю, просторнее без меня, а то, на меня гневаяся, и к церкви не ходить, и про тот гнев всему государству ведомо, что он, гневаяся на меня, не приходил. А вселенстей велицей церкви обид много стало и божественных заповедей Христовых, и св. апостол и св. отец правил, как обещал на

нашем поставлении, не почал соблюдать. А мы, на избрании своего патриаршества, и сами обещались, с клятвою и подписанием руки своея, Божия заповеди и св. апостол и св. отец хранит. А он, великий государь, чрез божественный правила суд церковный отъял, нас самех, и епископов, и аримандритов, и игуменов, и весь священнический чин велел своим приказным людям судить». И, несколько ниже. Никон замечает, что он ушел из Москвы потому, «что от гнева царева невозможно стало жить».

Здесь Никон, кроме царского гнева на него, от которого ему «невозможно стало жить», указывает и новые причины своего удаления с патриаршей кафедры: обид много стало от царя всей вселенской церкви, царь, вопреки божественным правилам, захватил церковный суд и подчинил всех духовных, начиная с патриарха, суду своих царских приказных людей. И еще: Никон и по тому ушел с патриаршества, «что-б ему, государю, просторнее было без него, Никона». Смысл последнего заявления будет более ясен и понятен из слов Никона, заключающихся в ответе на 26-й вопрос. Здесь Никон пишет: «егда изволил Бог Никону митрополиту быть на патриаршестве, и Никон митрополит усмотре во царе, и великом князе порок, который противен евангельским святынь заповедям, или противно что святым апостольским и отеческим правилом, и ему. Никону, по писанному во псалмех, не стыдяшеса говорити о заповедях Господних и св. апостол и св. отец правилех пред цари и пред бояры, а ему, государю царю, и государевым бояром, слушати во всеь. И он, госу дарь, и его бояра все обещались во святей велицей церкви пред Господом Богом и пресвятою Богородицею и всеми святыми и всем освященным собором, заповедей Христовых и св. апостол и св. отец правил слушати, и ничтоже инако коею-либо тщетною хитростию, по преданию человеческого и стихиям мира сего, мудрствовать. И от исперва убо былъ царь благ и кроток и послушлив был, И Никон на патриаршестве был. А как царь и великий князь развратился со святою соборною и апостольскою церковью, и святыя заповеди Божия, и св. апостол и св. отец правила в презрение положил, а Никона—патриарха. не печаль слушать, по и укоряти неподобно», тогда Никон оставил патриаршество, «дан место гневу царскому».

Здесь Никон выставляет и еще новую причину оставления им патриаршества. По его объяснению дело стояло так: он под тем только непременным условием согласился сделаться патриархом, если царь и бояре будут слушать его во всем, когда он будет говорить и настаивать пред ними на точном хранении и соблюдении заповедей Божиих, правил св. апостол св. отец. Они дали ему та кое обещание, и в начале царь действительно «послушлив был», т. е. во всем слушал Никона и во всем подчинялся ему, почему «Никон на патриаршестве был». Но потом царь «Никона—патриарха не почал слушать», и даже более: стал его ,укорять неподобно», и тогда Никон оставил патриаршество. Значит, пребывание или непребывание Никона на патриаршей кафедре зависало единственно от послушания или непослушания царя Никону: слушает царь Никона, — он остается патриархом, перестает царь слушать Никона, начинаете действовать по-своему, Никон оставляет патриаршество.

Находясь, после соборного лишения сана, в ссылке в Ферапонтов монастыре, Никон, 21

декабря 1671 года, писал государю, что когда он, Никон, вопреки его желанию был избран и поставлен патриархом, «я, ведая свою худость и недостаток ума, много раз тебе бил челом, что меня в такое великое дело не станет, но твой глагол превозмог. По прошествии трех лет бил я челом отпустить меня в монастырь, но ты оставил меня еще на три года. По прошествии других трех лет опять тебе бил челом об отпуске в монастырь, и ты милостивого своего указа не учинил. Я, видя, что мне челобитьем от тебя не отбыть, начал тебе досаждать, раздражать тебя, и с патриаршего стола сошел в Воскресенский монастырь».

В приведенном позднейшем письме к царю Никон представляет дело своего ухода с патриаршей кафедры в высшей степени оригинально, совершенно отлично от того, что он говорил по этому поводу ранее, именно: он теперь уверяет, что будто бы всегда считал себя, по своей худости и недостатку ума, непригодным для занятия патриаршей кафедры, и если на это согласился, то единственно по настоянию царя и освященного собора, при чем он, ставши патриархом, все-таки постоянно думал об оставлении патриаршей кафедры и не раз просил царя о своем увольнении от патриаршества. Но царь решительно отказывал ему в этих ходатайствах. Тогда он желая во чтобы то ни стало оставить патриаршую кафедру и уйти в монастырь, стал нарочно поступать таким образом, чтобы своим поведением в конце раздражить царя, вывести его из терпения и тем заставить забыть Никона.

Современники дело ухода Никона с патриаршей кафедры объясняли однако гораздо проще. Вятский епископ Александр, например, пишет государю: «многим мнится, благочестивый царю, яко сего ради кручинен был Никон, что на пир не зван. Не сего ли ради и дерзостно послал стряпчего своего безобразно в царскую твою палату, чрез волю твою государеву, где ему и быть не годится?». В другом месте тот же епископ замечает: «Никон ум погубя, оставил престол и ни ким гоним, гордости ради и гнева, остави власть, многа богатства взем, отъиде».

Таким образом сам Никон, по разным случаям и в разное время не одинаково отвечал на вопрос, почему он оставил патриаршество. Сначала — князю Трубецкому в Успенском соборе — он говорил, «что оставил патриаршество собою, а ни от чьево и ни от какова гонения, государева гнева на него никакого не бывало»; то заявлял — тому же Трубецкому в Воскресенском монастыре 12 июля — что он оставил патриаршество, так как убоялся тово, что ево постигла болезнь и ему-б в патриархах не умереть;» то заявлял, что царь «не дал ему оборони» на Богдана Хитрово; или: что царь на него раз гневался и перестал ходить в церковь туда, где служил Никон: то указывал причину оставления им патриаршей кафедры в том обстоятельстве, что царь, бояре и народ стали пренебрегать церковным чином и творит многие бесчиния, а царь за это управы не дает; то уверял, что царь перестал соблюдать заповеди Божии, правила св. апостол и св. отец, захватил себе весь церковный суд, стал обижать святую вселенскую церковь, перестал слушаться Никона и даже начал укорять его «неподобно;» то наконец уверял, что он будто бы никогда нехотя быть патриархом и, сделавшись им поневоле, под давлением желания

царя, синклита и освященного собора, постоянно стремился оставить патриаршество, пока своевольным удалением с патриаршей кафедры, не достиг этой всегда желанной для него цели.

Очевидно не в намерениях и интересах Никона было указывать и точно формулировать истинные причины неожиданного оставления им патриаршества, почему в разное время он и указывал на разные причины. Понятно, что Никон, с своей точки зрения, имел серьезные основания поступать таким образом. Дело в том, что Никон считал себя и действительно был великим государем, он действительно царил и в церкви и государстве, и даже заслонял собою настоящего царя. Он требовал от последнего безусловного подчинения себе во всех делах церковных, соблюдения всех правил св. апостол и св. отец, постановлений благочестивых византийских императоров, всего церковного чина и всех церковных постановлений. Но в то время церковность была неразрывно связана со всею государственною, общественною и частною жизнью, проникая решительно все и всюду, так как все, начиная с царя, хотели тогда строить свою жизнь согласно с заповедями Божиими, правилами св. апостолов, св. отец и всеми церковными узаконениями. В виду этого Никон, требуя себе права контроля и опеки над церковностию и ее строгого соблюдения всеми в жизни, в существе дела присвоивал себе контроль над всею тогдашнею государственною, общественною и частною жизнью, так что вей и во всем обязаны были подчиняться властным требованиям и указаниям патриарха, человека к тому же нетерпимого, гордого, самолюбивого и очень сурового и скорого на расправу с теми, которые не подчинялись ему безусловно. Естественно, что постоянная, властно-настойчивая и очень стеснительная архипастырская опека Никона, многим казалась тяжелым, невыносимым игом, переносить, которое у многих не хватало сил и терпения. Царь сна чала беспрекословно подчинялся своему «собинному», очень настойчивому и притязательному другу, который все более входил в роль опекуна и пестуна царя, всей государственной и общественной жизни, но потом, с течением времени, благодушный и уступчивый обыкновенно Алексей Михайлович начал тяготиться тяжелой патриаршей опекой,, стал постепенно освобождаться из под властной тяжелой руки Никона, стал стремиться действовать самостоятельно, независимо от того, нравится или нить какой либо его поступок патриарху Никону. Никон подметил изменившееся к нему отношения царя и увидел в этом измену царя, его отступление от правого истинно-христианского пути, так как прежние — подчиненные отношения к нему царя, признавал единственно нормальными и настоящими отношениями благочестивого православного царя к духовному главе народа — патриарху. До крайности самолюбивый, неправильно представлявший, какими должны быть его отношения к царю, Никон вовсе не думал мириться с изменившимся положением дел, и держал себя по прежнему гордо и притязательно, как бы он и на самом деле был великим государем, действительным законным контролером всей государственной и общественной жизни и всей деятельности самого царя. Тогда, выведенный из терпения притязательностью Никона, государь приказал сказать ему, чтобы он впредь не называл себя великим государем и что таким царь более почитать его не будет. Никон, оказалось, не мог ни отпарировать, ни с достоинством выдержать нанесенный ему удар, для этого у него не хватало ни

нравственного мужества и благородства, ни характера и выдержки, ни должного христианского смирения, присущего архипастырю церкви. Никон, по своему обычаю, стал бросаться из стороны в сторону и чем далее, тем все более и более терял равновесие и всякое благоразумие. Он смотрел тогда на все совершавшееся только с точки зрения своего личного положения, личного самолюбия, оскорбленный личной гордостью. Он, пред которым доселе все преклонялось: царь, бояре, архиереи и все, который царил и в церкви и государстве, давая тон и направление их жизни, должен был теперь низойти на уровень обыкновенного заурядного подданного царя, должен был признать власть царя высшим для себя руководящим началом, наравне с другими подданными подчиняться всяким идущим от царя приказаниям, внушенным может быть даже личными врагами Никона, которых у него было так много. При таком положении дел патриаршество, казалось Никону, только унижало его, делало его жалким в глазах всех, привыкших доселе видеть его на недостижимой высоте, рядом с царем и даже затенявшим, своею исключительною властью и мощию последнего. При такой настроенности Никона ему оставалось одно: или восстановить и закрепить свои прежние отношения к царю, или же, если это невозможно, совсем отказаться от потерявшего для него цену патриаршества. Не раздумывая долго, под влиянием болезненно уязвленного самолюбия, Никон поспешил проделать известную нам сцену всенародного отречения от патриаршества в московском Успенском соборе. Конечно он при этом надеялся, что царь придет в собор и вместе с боярами и народом будет молить его остаться на патриаршестве. Но этого не случилось и Никон уехал на житье в свой Воскресенский монастырь.

Что причина удаления Никона с патриаршества заключалась действительно в стремлении царя ввести власть Никона в должные и потому более узкие границы, что бы она нисколько не теснила и не затемняла царской власти, а была бы только верным слугою и работницею последней и притом в том только круге деятельности, пределы и сферу которой укажет ей царская власть, — это видно из некоторых оброненных Никоном выражений, когда он указывал на причины оставления им патриаршей кафедры. Так он заявил, что потому ушел из Москвы, что бы государю было «просторнее без меня», чем Никон ясно признал, что будучи патриархом, он действительно стеснял государя. В другом случае он говорит, что пока царь, «послушлив был и Никон на патриаршестве был», а как скоро царь «Никона патриарха не почал слушать», он оставил патриаршество, т. е. и здесь Никон признает, что оставление им патриаршей кафедры зависло единственно от того обстоятельства, что царь, ране во всем послушный Никону, теперь перестал его слушать.

По поводу оставления Никоном патриаршества невольно возникает вопрос: действительно ли Никон совсем хотел оставить патриаршество, или это было одним притворством с его стороны, рассчитанным только на то, чтобы побудить этим царя приклониться пред патриархом и признать его своим опекуном?

Если взять во внимание заявления Никона в Успенском соборе 10-го шля, и его заявленья вскоре после оставления им патриаршества, то, на основании их, можно предположить,

что он окончательно оставил патриаршество и о возвращении не думал. Так, по свидетельству, вполне согласному, всех лиц, бывших в соборе 10 июля, и после дававших официальные показания о событии, Никон торжественно и окончательно отказался от патриаршества и всенародно заявил, что более патриархом он уже не будет и чтобы впредь его не считали таким. Это вполне подтверждается и показанием князя Трубецкого, который 12 июля был у Никона в Воскресенском монастыре и от имени государя говорил ему, чтобы он, «кому изволит Бог и Пресвятая Богородица быти на его место патриархом, подал благословение, а церковь и дом Пресвятыя Богородицы, покаместа патриарх будет, благословил бы ведать Крутицкому митрополиту». На это предложена Никон ответил: «а кого Бог изволить и пресвята Богородица и великий государь укажет быти на его место патриархом, и он, патриарх, благословляет, и великому государю бьет челом, чтоб церковь Божия не вдовствовала и безпастырна не была, а церковь и дом пречистая Богородицы благословляет, покаместа патриарх будет, Крутицкому митрополиту... А впредь-де он в патриархах быть не хочет; а только-де я похочу быть патриархом, проклят буду и анафема». В письме к царю, в июле того же 1658 года, в котором он просит царя простить его в том, что он отправился из Москвы в Воскресенский монастырь не дожидаясь царского разрешения и указа, Никон уже выражается о себе: «смирный Никон, бывший патриарх, при чем свой скорый отъезд из Москвы объясняет своею болезнью: «многих ради своих болезней, пишет он, велел отвестися в ваше государево богомолье в Воскресенский монастырь». То же самое Никон подтвердил, 15 февраля 1660 года, посланным к нему от царя: Прокофию Елизарову и дьяку Алмазу Иванову. Он говорил им: «а что-де ему нарицатися патриархом, и он-де того имени не отрицался, только не хочет именоватися московским, потому что престол великия России оставил своею волею, и к великому государю с боярином со князем Алексеем Никитичем Трубецким и с околничим Родионом Матвеевичем Стрешневым он, патриарх, приказывал, и те слова и ныне держит непреткновенно, и то, что к возвращению на прежнее святительский престол и в мысли у него нет: как-де он тогда, оставляя престол, благословил его, великого государя, и весь освященный собор обирати патриарха, кого Бог благословит, так и ныне-то благословение подтверждает же, и связанным всем, которым во отшествие подал разрешение, так и ныне тех прощает и благословляет».

Из приведенных свидетельств оказывается, что Никон окончательно отказался от патриаршества и, в первое время, вовсе не думал возвращаться на патриаршую кафедру, почему и благословлял государя и освященный собор избрать немедленно на его место нового патриарха.

К сожалению, царь не воспользовался вовремя указанным настроением Никона и опустил подходящий момент сразу и окончательно разрешить патриарший кризис немедленным избранием нового патриарха, а Никон, с своей стороны, стал потом колебаться в своем решении окончательно оставить патриаршество, стал уже уверять в том, что он от патриаршества не отрекался и даже стал заявлять притязания вновь занять патриаршую кафедру.

В первый раз, после своего удаления с патриаршей кафедры, Никон выступила на общественную деятельность как ревнитель церковных порядков, которые без него грубо, будто бы, стали нарушаться. В марте 1659 года он обратился с особым посланием к государю, в котором заявляет, что «некто дерзну седалище великого архиерея всея Росии олюбодействовати незаконно и непреподобно и святые недели Ваий деяние действовати», т. е. Никон здесь указывал царю на то обстоятельство, что будто бы старинное у нас действо хождения на осяти в неделю Ваий, совершенное тогда крутицким митрополитом Питиримом, было незаконно, так как это действо, знаменующее торжественный вход Христа на осяти в Иерусалим, может совершать будто бы только один патриарх, а не простой архиерей, и потому государь поступил неправо, дозволив совершить это действо крутицкому митрополиту. Заявляя все это государю, Никон замечает, что он делает это «ни собою, ниже к возвращению зря, яко пес к своей блевотине—к любоначалию и власти, но жалея погибаемо добро и в книги (к книгам) обратившися, помянули есмы негде писанное, яко не впадает добрая мысль в сердце человеку, кроме Божия смотрения». Когда 17 мая того же 1659 года был у Никона, по поручению государя, дьяк Дементий Башмаков, Никон между прочим говорил ему: «что власти его поставленники многие и им-де его, патриарха, почитать доведется,... что он, Никон, хотя и оста вил патриаршество своею волею и московским не зовется и николи зваться не будет, но патриаршества не оставил и благодать остается при нем», при чем указывал на сделанные им исцеления больных.

Очевидно Никон не хотел уже оставаться спокойным зрителем тогдашних событий, а решил вмешиваться в церковные дела, мотивируя свое вмешательство ревностью к сохранению правых церковных порядков, которые-де, с его удалением, грубо нарушаются крутицким митрополитом. В то же время Никон заявляет уже требование, чтобы архиереи, как его ставленники, почитали его и слушали, так как при своем ставлении они дали ему рукописное обещание слушаться его и почитать как своего отца.

Вмешательство Никона в церковные дела показывало, что он уже стал тяготиться своим уединением, своею полною отрешенностью от общественных дел, что его снова потянуло к публичной общественной деятельности и он уже не мог более оставаться спокойным. Его особенно сильно угнетало теперь то обстоятельство, что он со всем удален от царского двора, где так недавно он был первым лицом, пользующимся особым исключительным положением и почетом. В его воображении невольно воскресали бывшие роскошные царские приемы и обеды, которых он теперь был лишен. С присущею ему несдержанностию Никон поспешил в послании сообщить царю свое угнетенное настроение, свою крайнюю печаль и свое томление по поводу невольного отсутствия его на одном именинном обеде у царя. В июле 1659 года Никон пишет про себя государю: «бе иногда во всяком богатстве и единотрапезен бе с тобою (царем), не стыжуся о сих похвалитися, питан яко телец на заколете толстыми многими пищаами, по обычаю вашему государзву, его же аз много насладив, вскоре не могу забыти: еже ныне июля в 25 день торжествовася рождение благоверные царевны и великие княжны Анны Михайловны вси возвесилившися о добром том рождестве насладившись. Един аз, яко пес, лишен богатые

вашей трапезы; но и пси, по реченному, напываются от крупы, падающей от трапезы господей своих. Аще не бы яко враг вменен, не бы лишен малого уломка хлеба богатые вашей трапезы». Каринно изобразив свои томления при воспоминании о роскошных царских трапезах, на которых он уже более не присутствует, жалуясь на то, что он забыт, тогда как другие пируют с царем, Никон то уничижение, то властно и учительно молит царя не гневаться на него—Никона. «Аз пишу не яко хлеба лишаяся, говорить он, но милости и любве истязая от тебе, великого государя, и да не посрамишия и о сих от Господа Бога... А аз егда не зело богатился нищетою, тогда паче и паче приумножена ваша милость... Самого тебе молю, престани, Господа ради, туне гневаться; солнце, речеся, во гневе вашем да не зайдет... Аз же ныне паче всех человек оболган тебе, великому государю, поношен и укорен неправедно; сего ради молю: претворися Господа ради и не дей мне грешному немилосердия... Како не имати постыдетися глаголющего: блажени милостивы, яко тии помиловани будут? Како имаши помилован быти, сам не быв милостив?.. Господа ради молю, престани от таковых! Аще и царь еси великий, от Бога поставленный, но правды ради. Чтожь ли моя неправда пред тобою, что церкви ради суда на обидящего просил? И не точию суд праведен получил, но и ответы полны немилосердия». Так молил Никон царя переменить гнев его на милость к нему, но и в письме такого характера не мог удержаться от гневных и укорительных выражений по адресу государя. «И дивлюся о сем, пишет он царю, како вскоре в такое дерзновение пришел еси, иже иногда страшился еси на простых церковных при четников суд наносити, яко же и святые законы не повелевают: ныне же всего мира иногда бывша аки пастыря восхотех грехи и таинства видети, и не сам точию, но и царским, им же дерзающем бесстрашно не поставь Господи во грех, аще не покаются? Векую наша ныне судится от неправедных, а не от святых»? В приведенном письме Никона к царю очень характерно то обстоятельство, что для него, после оставления им патриаршей кафедры, особенно дорого было воспоминание не о покинутой им и осиротевшей с его уходом церкви и пастве, а о царском дворце, о роскошных царских трапезах, на которых он ране упитывался «яко телец на заколение». Не во имя блага церкви и пасомых Никон уничиженно молит царя, о прощении, а ради того, чтобы опять наслаждаться, вместе с другими, царскою обильною трапезою и близостью к царю. Очевидно, так мог писать Никон не как архипастырь и патриарх русской церкви, а как царедворец, которому близки и дороги только интересы, тесно связанные с близостью к царскому двору.

Если вскоре после оставления патриаршей кафедры Никон без всяких условий соглашался на немедленное избрание вместо себя нового патриарха, чтобы церковь не вдовствовала, то потом он уже стремится выбор нового патриарха возможно отдалить и затруднить, заявляя, что достоинство или сан патриаршества он не оставлял, что благодать Св. Духа осталась при нем по прежнему, так что без него правильное, законное поставление нового патриарха не может состояться. В марте 1660 года царь послал к Никону стольника Матвея Пушкина, который говорил ему, что он, Никон, ранее, чрез князя Трубецкого, потом чрез Прокофья Елизарова и дьяка Алмаза Иванова, подал государю благословение избрать нового патриарха, «кого он, великий государь, изволить», и что бы теперь он об этом отписал великому государю. Но теперь Никон уже не соглашался лично устраниваться

от поставления нового патриарха, напротив настаивал на своем обязательном личном участии в этом акте. Он говорил Пушкину: «на такое дело, что патриарха поставить без него, он не благословляет; кому же его, без него (т. е. Никона) патриарха, ставить и митру на него положить? потому что митру дали ему патриархи вселенские, а митрополиту же митру на нового патриарха положить невозможно; да и посох же с патриархова места кому снять и новому патриарху дать? потому что он, патриарх, сам жив и благодать Святого Духа с ним; оставил же он престол, а архиерейства не оставлял, про то же ведомо великому государю, что он и патриаршеской сак и амофор взял с собою.. Будет великий государь изволить ему, патриарху, быть к Москве, и по его же, великого государя, указу, он, патриарх, новоизбранного патриарха поставить, и от великого государя приняв милостивое прощенье и со архиереи простоя и подав всем благословение, пойдет в монастырь».

Затем Никон пошел и далее. Он стал заверять, что будто бы он оставил патриаршество только на время, а не навсегда и что он готов, при благоприятных обстоятельствах, снова возвратиться на патриарший престол. В частной беседе с своим доброжелателем, боярином Никитою Зюзиным, Никон, на его вопрос: «для чего с престола своего он сошел и впредь ему быть ли?» отвечал: «сошел с сердца, а впредь-де ему отчего не быть?» Значит, своим близким людям в частных беседах Никон уже решительно заявлял, что он оставил патриарший престол не окончательно и что он не прочь возвратиться на него. Мысль о возвращении на патриаршество настолько сильно овладела Никоном, что он, вопреки всем прежним заявлениям о своем нежелании быть патриархом, решился на крайний поступок. Упомянутый доброжелатель Никона, боярин Зюзин, не раз устно и письменно заявлял ему, что он напрасно оставил патриарший престол и что ему следует возвратиться на него. На эти настояния Зюзина Никон говорил ему: «по времени возвращусь, а ты пиши обо мне и впредь о том пришествии моем (на патриарший престол)». Под влиянием этих речей Никона, Зюзин составил целый план возвращения Никона на патриарший престол. Он написал Никону особое письмо, в котором сообщал ему, когда и как тому нужно приехать в Москву, как там действовать, причем уверял, что будто бы царь искренно желает его возвращения на патриаршество, только не хочет выступать в этом деле открыто. Никон, уже мечтавший теперь о своем возвращении на патриаршество, охотно поверил письму Зюзина и 18 декабря 1664 года неожиданно приехал ночью в Москву, во время утрени явился в Успенский собор и стал на своем патриаршем месте, как это было в прежнее время. Из собора Никон послал доложить о своем прибытии государю, который немедленно пригласил к себе бывших тогда в Москве архиереев, а также комнатных бояр и, посоветовавшись с ними, послал сказать Никону, что бы он возвратился в тот монастырь, из которого приехал. Никон ответил посланным царя: «он сошел с престола не кем гоним, а ныне он пришел на свой престол не кем зовом для того, чтоб-де великий государь кровь утолил и мир учинил; а от суда же вселенских патриархов он не бежит, а пришел-де он на свой престол по явлению. И давал мне к великому государю письмо». В то же время Никон заявил посланным государя, что пока он не получит ответа на свое письмо, «до тех мест из соборные церкви не пойдет». Очевидно, Никон придавал своему письму к государю большое значение. И действительно, оно очень характерно для его

отношений к царю Алексею Михайловичу. В нем Никон прежде всего заявляет, «что слыша смятение, и молву велику о патриаршеском столе: овии тако, инии инако глаголюще развращенная, и несть ничто же истина, но каждо что хошет, то тот и глаголет», решил обратиться к Господу, что бы Он известил его, «чему подобает быти». В течении пяти дней он подверг себя самому суровому посту: ничего не ел, ни пил, «ни сну причащаяся, лежа на ребрах, развее утомився — седев с час в сутки»; но все время неустанно молился со слезами, «вопиюще и плачуще, дондеже известит ми Господь Бог, что суть подобает сотворити, и что суть годно Его святой воли». И вот уже на пятый день, когда он от крайнего утомления впал как бы в лети сон, Господь послал ему просимое видение. Никон рассказывает: «видех сие: обретохся во святей соборной церкви, и видех свет велик зло, обаче от живущих никого ту видех, но прежде бывшими леты усопших святителей, и священников, стоящих по сторонам, идеже гроби прежде усопших святых отец — митрополитов и патриархов. Един же некто святолепен муж, сединою честною доволен, или велми красен, браду имея густу велми, мало продолговату, во священных святительских одеждах вси стояху. Той же, вышепомянутый святолепный муж, обходя по иным святым отцем, хартию и киноварницу с киноварем обносить по всем святителем, они же вси подписуют. Аз жесо страхом приступив к носящему хартию и киноварницу, вопросих его, что сие творите, подписующе руки на хартии? Он же рече ми: о твоём пришествии на престол святой. Аз рече: покажи ми, аще есть истина. Он же показа ми. И смотря, и бысть тако. Аз же паки рекох ему: ты подпишешился? Он рече: подписахомся уже. И показа ми о себе написанное. Аз смотрив со вниманием, и обретешся истина, написано полтретьи строки сице: смиренный Иона, Божию милостию митрополит, тако страхом Божиим подписую подобно есть. Аз же приим дерзновение, идох к месту. И хотящу ми взыти, обретох святителя стояща на месте, в честных одеян архиерейских одеждах, и ужасохся. Он же рече ми, не ужасайся, брате, яко тако воля Божия есть. Взыди на стол свой и паси словесныя Христовы овцы, яже ти Господь поручил. И абие не видим бысть. Аз же утвердився, взыдох. Мню же святителя стояща — Петра чудотворца. Ей ей, тако ми Господь свидетель на се. Аминь».

Приведенный рассказ Никона о бывшем ему 17 ноября 1664 года, чудесном видении от Господа, показывает, что Никон, свое неожиданное возвращение на патриаршую кафедру хотел было обосновать на особом бывшем ему божественном видении: он потому теперь неожиданно для всех возвратился на свой патриарший престол, что такова была, открытая ему в видении, особая воля Божия, которой он понятно, не мог послушаться. Очень может быть, что ранее Никону удавалось рассказами о подобных видениях влиять на царя, подчинять его своей воле и делать его послушным орудием своих желаний. Но, на этот раз, царь не выразил ни малейшей охоты поварить видению Никона и сообразовать с ним свое дальнейшее отношение к нему. Царь, и по прочтении рассказа о видении, снова решительно отказался видеть Никона и велел ему немедленно возвратиться в свой Воскресенский монастырь. И сам Никон не устоял на сверхъестественных мотивах своей попытки снова занять оставленный было им патриарший престол, а стал объяснять все это дело уже просто и естественно. Князю Долгорукову, провожавшему его из Успенского собора за земляной город, он неожиданно сказал: «приехал-де он к Москве по вести, а не

собою». Посланным за ним, чтобы отобрать у него посох Петра митрополита, который он было увез из Успенского собора, Никон тоже заявил, что он поехал к Москве па особому письму к нему Никиты Зюзина и передал им самое письмо. В то же время он говорил им, «что он к Москве приехал и в соборную церковь вошел на свой святительской поставленной престол», так как он «оставил патрирши престол на время за многое внешнее нападете и досадительства». И в других случаях, с этого времени, он уже постоянно и решительно стал заявлять и уверять всех, что никогда не отказывался окончательно от московского патриаршего престола, а всегда имел в виду, с течением времени, снова занять его. Так в грамоте к константинопольскому патриарху Дионисию 1666 года Никон уже пишет: когда он, оставив патриаршество, уехал в Воскресенский монастырь, посланные государем вслед за ним бояре говорили ему: «чего ради ты, без царского повеления, отшел с Москвы? — И аз рек им, пишет Никон Дионисию: яко не в дальния места отшел: аще царское величество на милость положить и гнев свой утолить, паки приидем, и, по сем, о возвращении нашем на престол наш от царского величества ничево не было». На соборе 1666 г., во время суда над ним, Никон за являл: «я не отрекался престола, то-де на его затеяли». То же самое Никон говорить и в своих возражениях на вопросы Стрешнева и ответы Паисия Лигарида. Приводя здесь письмо, какое он послал царю при своем отречения из Успенского собора с диаконом Иовом, Никон спрашивает: «да которое се отречеши?» т. е. говорить, что в его письме к царю вовсе не было отречения от патриаршества, а он только заявлял в нем, что в виду несправедливого гнева на него царя, он оставляет место и город, — об отречении же не говорить ни слова. В другом месте своих ответов он говорить, что он не отрекался от престола, а только ушел из Москвы, всенародно за свидетельствовав несправедливым гнев на него царя, между тем как «государь царь, заявляет Никон, принуди сказати *то мое свидетельство отречением*, и многими пытками страшал — велели сказывать, как ему, государю, годно». Выходить, по позднему показанию Никона, что все дело об его отречеши от патриаршества придумано государем, который даже употребил насилие и застраживания, чтобы только заставить свидетелей говорить, что Никон, оставляя Москву, отрекся от патриаршества, чего в действительности однако будто бы не было.

Из сказанного нами оказывается, что Никон, всенародно отрекшись от патриаршего престола, в пылу гнева и неудовольствия на государя, если сначала и думал серьезно и навсегда отказаться от престола, то думал так недолго и скоро стал мечтать о своем возвращении на патриаршество, стал уверять, что его удаление было не отречением, а только временным отъездом из Москвы вследствие гнева государя. Он даже хотел снова овладеть престолом с помощью неожиданного захвата, ошибочно думая, что царь желает его возвращения на патриаршество и что его захватный поступок будет принят царем с сочувствием и одобрением. Но когда царь приказал ему сказать, чтобы он немедленно возвратился туда, откуда приехал, и чтобы он ждал прибытия вселенских патриархов в Москву, куда позовут тогда и его, а что ранее видеться ему с царем нельзя, Никон убедился, что дело его с возвращением на патриаршество окончательно проиграно и что московским патриархом ему никогда более не быть. Теперь вполне отрезвившийся от своих несбыточных мечтаний и надежд Никон решил окончательно и формально

отказаться от всяких притязаний на занятие патриаршего престола, но при том так, чтобы себе лично создать возможно почетное, материально-богато обеспеченное, и во всех отношениях ни от кого независимое, положение.

В январе 1665 года Никон письменно выразил решительное согласие навсегда отказаться от патриаршего престола и соглашался на поставление нового патриарха, если государь с боярами и освященный собор примут следующие предложенные им условия; а) Оставить за Никоном три построенные им монастыря: Воскресенский, Иверский и Крестный со всеми приписными к ним монастырями и при том так, чтобы он свободно и сколько захочет мог жить в любом из этих монастырей, б) Грамоты государевы и все крепостные акты, утверждающие всякие владения за его монастырями, какие сейчас находятся у государя, или еще на утверждении, передать ему — Никону, в) Царь должен отдать в личное владение Никона те имения, какие он ранее купил на свои деньги, пожалованные ему за заслуги государству, когда он был новгородским митрополитом и самоотверженно боролся тогда с бунтовщиками, г) Из патриарших доходов, которые он, Никон, «своим промыслом» увеличил тысяч на двадцать, «давать мне, вместо милостыни, на пропитание хлеба и рыбы и денег на потребу», сколько укажет государь, синклит и освященный собор. д) Просит отдать ему некоторый патриаршие облачения и именно те, какие он, будучи патриархом, сделал из бывших ему подношений от царя и царицы, а также просить дать ему митру, панагию и под. е) Ни в суд, ни в хозяйство, ни в управление Никоном монастырями новый патриарх никак не должен вступаться ни сам, ни чрез своих посланных, — единственным полным хозяином, судьей и управителем в своих монастырях должен быть только он — Никон. Точно также только по своему усмотрению он может избирать и посвящать во все свои монастыри и принадлежащие им церкви архимандритов, священников и диаконов. ж) Просить наделить настоятелей трех им основанных монастырей некоторыми церковными преимуществами, на пример: правом являться на церковные соборы, быть свободными от всякого светского суда, и) По смерти Никона его монастыри должны быть приписаны «к царствующему граду Москве во область, а не в дом патриарш», т. е. желал, чтобы его монастыри были самостоятельными, а не патриаршими. 1) Просит дать полную свободу всем желающим приходить к Никону «и милостыню подати не возбранити». к) Царь должен дозволить ему, когда это нужно, приезжать в Москву, и если ему случится быть на соборе «ради пользы», то ему сидеть под настоящим патриархом, выше всех митрополитов, архиепископов и епископов. л) Его имя обязательно должно писаться «в степени святейших московских патриархов», т. е. московским ему не именоваться, а писаться: «смирный Никон, Божиею милостью патриарх». м) Всем так или иначе пострадавшим за него дать полную свободу. — Взамен выговариваемых себе прав и преимуществ Никон берет на себя такие обязательства: а) Держать заповеди Христа, Его святое евангелие заповеди и правила св. апостол и св. отец седми вселенских соборов и поместных, признаваемые церковью святыя книги и уставы, символ, исправленный с греческого, служебник, требник и прочие книги «справлены с старых с греческих святых книг», и иметь единение с вселенскими патриархами «во всем неотложно». б) Во всякие духовные дела московского государства ему не вступаться, в) Когда он будет, по какому-нибудь случаю, приезжать в Москву, он обязуется согласовать

свое поведение с указом государя и с советом нового патриарха. г) Он берет на себя обязательство: так как он ранее на царя, синклит и освященный собор «суд Божий износил», то теперь он станет молить Господа, «чтобы царствующему граду Москве не быть осуждену паче Содома и Гомора». д) Архиереям, подвергшим его — Никона своему суду «беззаконно, чрез вся божественныя правила, мне тож прощение дати и разрешити святым молитвословием, кто о том станет каятися и прощения просити; аще ли кто не покается, и он будет под заповедию Божиею». е) «Честный синклит — бояре, кои зло словили нас без правды и клеветали на нас великому государю смертными винами, якож: Семен Лукьянович Стрешнев вопросы своими газскому митрополиту, и Роман Баборыкин и Иван Сытин и прочии вси, каждо сам свою совесть ведая, и поищут прощения и нам тех разрешити и благословити»; а которые обидели его — Никона в житейских вещах движимых и недвижимых, с теми устроить полюбовное соглашение, а которые и после, сего будут обижать и делать зло, на тех «да будет божественная юза не разрешима», ж) Ивана Щепоткина, обидевшего Никона при расчете за купленную у Щепоткина мед, и за это Никоном проклятого и под проклятием умершего, простить и разрешить, если его приказчики устранят прежней неправый расчет. з) Никон просит: «а противу сего нашего изображения всего, да дастся « нам писание от царского величества, и от честного царского синклиту, и от священного собора — во свидетельство всякия правды», и) В заключение Никон говорит, что если новый патриарх будет поставлен вопреки божественным канонам и заповедям и предлагаемым им условиям, только «по власти мира сего», то так поставленный патриарх будет не настоящий, но прелюбодей и хищник, и вместо мира да будет меч Божий и разделение, по словеси Господню: не приидох вложить мир, но меч».

Так Никон, решив окончательно оставить всякие притязания на занятие им патриаршего престола и соглашаясь на избрание себе преемника, хотел создать себе положение почетное, независимое и материально богато обеспеченное. Он хотел иметь свой собственный, ни от кого независимый и довольно значительный удел, в котором бы он был единственным, полновластным и бесконтрольным хозяином, судьей и управителем, сохранив в то же время за собою почетный титул патриарха. В то же время в своих условиях Никон прямо дает знать, что пред ним были виноваты все: царь, который без правды на него гневается; бояре, которые на него злословят и клеветают государю; архиереи, которые, вопреки канонам и божественным заповедям, составили для суда над ним беззаконный собор; разные отдельные лица, которые приходили с ним по разным случаям, в столкновение и которых он за это подверг проклятию — всех этих виновных пред ним лиц он однако теперь прощает и разрешает, но только в том случае, если они сами будут искать у него прощения и разрешения, иначе пусть остаются под проклятием.